

Из истории Бородинского монумента в конце XIX – начале XX в.

Вопрос о состоянии Бородинского памятника на рубеже XIX–XX вв. не ставился в исторической и музееведческой литературе. Исключение составляет статья С.А. Малышкина, в которой упоминается организация реставрационных работ этого монумента в 1890-е годы¹.

В Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ) в фонде строительного отделения Московского губернского правления (ф. 54) сохранился комплекс документов, отражающий организацию строительно-реставрационных работ Бородинского памятника и караульного домика при нем за период с конца XIX до начала XX в. Источники представлены перепиской между Александровским комитетом о раненых, Николаевской Измайловской военной богадельней, строительным отделением Московского губернского правления и Можайским уездным воинским начальником, рапортами архитекторов и инженеров Егорова, Какорина, Воейкова, Кондратенко, актами и сметами на строительные и реставрационные работы, контрактами с подрядчиками и т.п.

В отличие от предыдущих десятилетий информация, содержащаяся в документации конца XIX – начала XX вв., становится более лаконичней, отрывочной и неполной. Особенно это касается организации профилактических работ непосредственно на Бородинском монументе: к делам не всегда прилагаются упоминаемые в переписке акты и сметы.

Тем не менее источники позволяют восполнить имеющийся информационный пробел в специальной литературе и представить состояние главного монумента на Бородинском поле и караульного домика, организацию на них профилактических работ, условия быта и

материального положения сторожей – солдат-инвалидов.

Многолетний текущий и капитальный ремонт Бородинского памятника потребовал от властей принятия срочных мер по организации более эффективных мер по содержанию монумента.

В 1886 г. по инициативе императора Александра III было решено заменить чугунные плиты, лежащие вокруг памятника, на булыжный камень, а покраску чугунных деталей осуществлять без шпаклевки швов металлической замазкойⁱⁱ.

Спустя три года, в 1889 г., вновь активизируется переписка военных и гражданских учреждений по вопросу об организации ремонтных работ главного монумента и караульного домика. Инициативу проявило управление можайского уездного воинского начальника, которое 16 января 1889 г. сообщало в строительное отделение Московского губернского правления об аварийном состоянии сторожки для солдат-инвалидов. В частности, в документе указывалось на необходимость «1. Переложить полы в самом домике, которые разошлись; 2. Исправить погреб, который совсем обвалился; и 3. Исправить ограду, окружающую домик». Помимо этой рекомендации, в рапорте содержалась просьба направить специалиста «для подробного определения, какие именно необходимо произвести ремонтные работы»ⁱⁱⁱ.

В оперативном порядке строительное отделение Московского губернского правления принимает меры по командированию на Бородинское поле архитектора Егорова для определения объема предполагаемых работ и подготовки сметы расходов. Но прибытие Егорова в Бородино явно затянулось. 1 сентября 1889 г. можайский уездный воинский начальник информировал о том, что для «ремонта караульного домика при Бородинском монументе по настоящее время ничего не сделано. Домик же в настоящем его состоянии, ввиду наступающей зимы,

требует исправления для жилья»^{iv}. Началась длительная переписка по поводу направления архитектора Егорова на Бородинское поле. С февраля по сентябрь 1889 г. на его имя из строительного отделения было выслано девять уведомлений о срочной командировке в Бородино «по делу о ремонте караульного домика при Бородинском памятнике». 4 мая 1890 г. Можайский уездный воинский начальник вновь информировал строительное отделение, что «ремонт не произведен еще и по настоящее время. И кроме неисправностей, указанных в рапорте моем, явились новые, а именно: пришла в ветхость и частью разрушилась дымовая труба, что представляет опасность в отношении пожара»^v.

Только 25 мая 1890 г. в строительное отделение от архитектора Егорова поступил рапорт «об освидетельствовании повреждений, образовавшихся в караульном домике и в надворных постройках при Бородинском памятнике». К рапорту был приложен акт от 22 мая 1890 г. и смета расходов. В акте перечислялись такие виды необходимых работ, как перекладка полов, потолка и крыши домика, вставка новых оконных рам, замена дверей, штукатурка и покраска стен, перекладка русской и голландской печей. Большой объем работ планировался по хозяйственным постройкам, расположенным вокруг караульного домика: разборке каменных столбов у ворот и возведение новых, перекрытию крыши на сарае, устройству нового водостока, рытью нового колодца с насосом и навесом, возведению нового забора вокруг жилых и хозяйственных построек длиной в 89 сажень и высотой в 2 аршина. Вся сметная стоимость составила 2205 руб. 50 коп. Однако строительное отделение решило выделить на текущий ремонт караульного помещения только 851 руб., а остальную сумму включить в бюджет 1891 г.^{vi} Московское губернское правление направило соответствующую информацию в Николаевскую Измайловскую военную богадельню. Утверждение

ассигнований на ремонт караульного домика сопровождалось длительной бюрократической волокитой. 29 июня 1890 г. начальник Николаевской Измайловской военной богадельни рекомендовал московскому губернатору «обратиться с настоящим вопросом в Александровский комитет о раненых, который заведует в поддержке в исправности всех монументов и имеет на то суммы. До меня же этот вопрос не касается»^{vii}. Подобная реакция начальника военной богадельни вызвало недоумение со стороны московских властей. В отношении от 5 июля 1890 г. Московское губернское правление вынуждено было напомнить руководству Николаевской Измайловской военной богадельни, «что государь император 23 дня июня 1863 года высочайше повелеть соизволил: “Состоявший в заведовании директора Николаевской военной богадельни Бородинский памятник с домиком для двух инвалидов... передать в заведование московского гражданского губернатора на тех же основаниях, по которым передан Смоленский памятник... Что по поводу ремонта означенного памятника и караульного при нем домика московский губернатор в последний раз обращался с ходатайством к... Вашему Высокопревосходительству 19 апреля и 5 июля 1885 года”»^{viii}. Только после этого напоминания 6 августа 1890 г. Николаевская Измайловская военная богадельня согласилась с предложенным ассигнованием денежных сумм на 1890 и 1891 гг. Одновременно Московская казенная палата открыла счет на сумму в 851 руб. В октябре 1890 г. были подготовлены сметы на ремонтные работы, а в ноябре того же года они были выполнены подрядчиком московским купцом Г.Е. Лабзовым. В 1891 г. ремонт караульного домика был продолжен и завершился лишь в июле месяце. На эти цели было выделено 1649 руб.^{ix}

В начале XX в. особенно остро встал вопрос о ремонте не только караульного помещения для солдат-инвалидов, но и главного монумента на

Бородинском поле. 24 мая 1902 г. Можайский уездный воинский начальник рапортовал в строительное отделение Московского губернского правления о необходимости срочного ремонта Бородинского памятника^x. В соответствии с установленным порядком «для освидетельствования Бородинского памятника и караульного при нем домика» в Бородино был откомандирован инженер В. Воейков. Однако, как и в 1890-е годы, организация ремонта исторических памятников на Бородинском поле затянулась на многие месяцы. 28 августа 1902 г. Можайский уездный воинский начальник сообщал в строительное отделение, что «гражданский инженер Воейков до настоящего времени не прибыл. Между тем как памятник, так и домик при нем требуют неотложного ремонта»^{xi}. Только спустя четыре месяца строительное отделение дает специальное распоряжение Воейкову «об ускорении освидетельствования Бородинского памятника и караульного при нем домика». Но указанное поручение в 1902 г. так и не было выполнено. 22 марта 1903 г. строительное отделение в резкой форме потребовало от Воейкова немедленного выполнения порученного задания к 15 апреля 1903 г. («...Вами и до сего времени поручение это еще не исполнено, несмотря на то, что со дня возложенного на Вас сего, весьма несложного дела, прошло десять месяцев»)^{xii}. Только предупреждение о том, что о «нерадении по службе» Воейкова будет сообщено московскому губернатору, на него подействовало. 24 апреля 1903 г. он докладывал в строительное отделение о подготовке акта предполагаемых ремонтных работ и общую смету расходов.

В соответствии с актом от 19 апреля 1903 г. намечалось осуществить следующие реставрационные работы на главном монументе: «1. Позолотить окраску колонн и чугунных ступеней, с предварительной очисткой старой краски; 2. В решетке, окружающей памятник, заменить недостающие части новыми коваными железными». Что касается

караульного домика и хозяйственных построек, то планировалось произвести внутренний и внешний ремонт помещений (замена окон, дверей, пола, крыши, водосточных труб, штукатурка стен), Кроме того, предполагалось построить входной тамбур в домик, поставить новые двери на воротах, произвести очистку колодца и исправить ограду вокруг усадьбы. Расходная смета составила 1040 руб. 42 коп.^{xiii}

Ремонтные работы были поручены инженеру В. Воейкову под контролем Можайского уездного воинского начальника. Расходная смета была утверждена Александровским комитетом о раненых, а Московская казенная палата открыла денежный счет на указанную расходную сумму.

Тем не менее реставрационные и ремонтные работы вновь затягивались. 27 мая 1903 г. Можайский уездный воинский начальник сообщал, что «к ремонту... до сего времени не приступлено, а потому прошу распоряжения строительного отделения о немедленном ремонте вышеозначенного памятника и караульного при нем домика, в особенности последнего, так как в холодное время жить в нем сторожам-инвалидам нет никакой возможности»^{xiv}. 13 августа 1903 г. от него поступает новое сообщение аналогичного содержания. Одновременно 14 августа 1903 г. из штаба Московского военного окружного управления на имя московского губернатора было направлено сообщение, содержащее озабоченность по поводу затягивания сроков ремонта Бородинского памятника и просьбу «уведомить в каком положении находится дело по сему вопросу»^{xv}.

23 августа 1903 г. В. Воейков прибыл на Бородинское поле и доложил в строительное отделение о том, что «у караульного домика при Бородинском памятнике завалилась дымовая труба, кирпичные столбы у ворот разрушились, а также завалились отхожее место и погреб». 24 августа 1903 г. В. Воейков рапортовал о передаче ремонтных работ подрядчику С.И. Гудкову, которые «в настоящее время уже начались и

будут исполнены к 1 октября сего года»^{xvi}. Но ремонтные работы были завершены только 15 октября и то не окончательно. В контракте, подписанном С.И. Гудковым от 9 сентября 1903 г., четко указывалось: «Ввиду позднего разрешения сметы, окраску памятника в случае сырой осени обязуюсь произвести в первые весенние сухие дни... Все остальные работы по караульному домику должен я, Гудков, закончить не позже 15 октября сего года». По контракту подрядчик брал на себя следующие обязательства: «1. Произвести [ремонт] из материалов хорошего качества; <...> 4. Исполнять все указания Можайского воинского начальника, производителя работ; 5. В случае неокончания работ к сроку, таковые могут быть переданы другому лицу для производства за мой счет; 6. Расчет со мной, Гудковым, должен быть произведен по приемке работ строительным отделением Московского губернского правления. При чем все найденные упущения и исправления обязуюсь произвести безпрекословно в недельный срок со дня осмотра»^{xvii}. Общая сумма сделки составила 950 руб. 40 коп. 23 ноября 1903 г. был подписан акт о принятии у подрядчика С.И. Гудкова ремонтных работ. В частности, в документе отмечалось: «При осмотре оказалось, что 1. Все работы, касающиеся караульного домика, произведены в видимых частях правильно и прочно, из материалов хорошего качества... 2. Работы по окраске памятника... исполнены наполовину и согласно условию с подрядчиком должны быть закончены будущей весной»^{xviii}.

Окончательно все текущие работы по ремонту Бородинского памятника были завершены весной 1904 г. 10 июня был подписан акт, в котором указывалось, «что окраска чугунной колонны памятника и таковой же при нем площадки исполнена правильно, прочно, из материала хорошего качества»^{xix}.

«Наказуемой» оказалась инициатива Можайского уездного воинского

начальника, выплатившего собственные 3 руб. за ремонт печи и очистку колодца при караульном домике. Оплата этого счета приобрела традиционную бюрократическую волокиту и продолжалась в течение девяти месяцев^{xx}.

Довольно бедственными были материальные и бытовые условия солдат-инвалидов при караульном домике. В конце XIX в. здесь несли службу унтер-офицеры Даниил Воробьев и Филипп Алексеев. На содержание каждому из них выделялось годовое жалование в размере 152 руб. 50 коп. 29 ноября 1900 г. в своем рапорте Можайский уездный военный начальник ходатайствует перед Московским губернским правлением об увеличении размера жалования инвалидам-сторожам. В документе сообщалось, что «инвалиды обратились ко мне с личной просьбой об исходатайствовании им увеличения содержания... ввиду того, что в настоящее время по случаю повышения цен на отопление и жизненные припасы, они лишены возможности не только отопить две печи, но и прокормить себя»^{xxi}. Это ходатайство Можайского уездного воинского начальника было поддержано московским генерал-губернатором и Московским губернским правлением. 17 апреля 1901 г. Александровский комитет о раненых сообщал московскому гражданскому губернатору: «Высочайше разрешено открыть по текущей смете расходов инвалидного капитала сверхсметный кредит в размере 120 рублей на выдачу двум сторожам при Бородинском памятнике дополнительного жалования по 5 рублей в месяц за весь текущий год и на увеличение, начиная с 1902 г., на 120 рублей в год»^{xxii}.

Более подробная информация об улучшении в начале XX в. материального положения солдат-инвалидов при Бородинском памятнике содержится в доношении московского губернатора московскому генерал-губернатору от 8 мая 1901 г. В частности, в нем сообщалось:

«Директор Измайловской военной богадельни имени Николая I сообщил мне, что государь император в 23 день марта месяца сего года высочайше соизволил выдачу дополнительного жалования сторожам при Бородинском памятнике по 5 рублей в месяц каждому, начиная с 1 января текущего года. Что касается обмундирования этих сторожей, то таковое будет производиться согласно разрешения Александровского комитета о раненых Можайским уездным воинским начальником на средства, отпускаемые означенною богадельнею»^{xxiii}.

В связи с приближающейся датой 50-летия закладки Бородинского памятника власти заинтересовались историей сооружения этого монумента. В феврале 1889 г. Можайский уездный воинский начальник запросил из строительного отделения Московского губернского правления информацию по истории сооружения главного монумента на Бородинском поле. Учитывая особую ценность приводимой в запросе информации, приводим документ полностью. «Для составления исторической справки имею честь просить о доставлении мне следующих данных: 1. Когда сооружен памятник на Бородинском поле и при нем построенный дом для сторожей, с точным означением времени закладки, начала и окончания сооружения? 2. На какой земле (казенной или общественной) и сколько ее отведено под памятник и сторожевой дом? 3. На какие средства воздвигнут памятник и сторожевой дом, на счет ли казны, суммы инвалидного капитала, на пожертвования частных лиц, по подписке открытой с разрешения правительства? 4. Кому принадлежит проект памятника (фамилия художника) и кто строил его и дом тож (имя архитектора)? 5. Размеры памятника в высоту и в основании и из какого материала сооружен и на каком заводе чугунные плиты заказаны и сколько в действительности обошлось сооружение памятника и отдельно построенного сторожевого при нем домика?»^{xxiv} Не меньший интерес

представляет ответ, подготовленный 20 марта 1889 г. архитектором строительного отделения Егоровым. В нем, в частности, указывалось: «...Бородинский памятник, находящейся в Московском уезде и Московской губернии весь сооружен из чугунных плит, с украшениями, отлитыми также из чугуна. 2. Точная высота его неизвестна, но приблизительно с крестом около 15 сажень, шириной в основании каждая грань по одной сажени и полутора вершков (памятник восьмигранный). 3. На высоте 12 аршин от чугунной площадки (поверх кокошников), то есть с того места, откуда начинается его пирамидальность, ширина каждой грани 2 аршина, число граней тоже восемь»^{xxv}.

Итак, рассмотренный архивный материал свидетельствует о том, что военные и гражданские власти следили за состоянием Бородинского памятника и караульного домика. Несмотря на бюрократическую волокиту, проводились регулярные профилактические и ремонтные работы как главного монумента, так и караульного помещения для солдат-инвалидов. К началу XX в. улучшились бытовые условия и материальное положение сторожей. В то же время все острее возникали вопросы об организации эффективных мер, обеспечивающих надежную сохранность главного монумента и караульного домика на Бородинском поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Мальшикин С.А.* Из истории музеефикации Бородинского поля. 1839–1911 гг.: Главный монумент // Бородинское поле: История. Культура. Экология. Можайск, 2000.

ⁱⁱ Там же. С. 173.

ⁱⁱⁱ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 154. № 12. Л. 1.

^{iv} Там же. Л. 2.

^v Там же. Л. 3–6.

^{vi} Там же. Л. 9–10, 14–15.

^{vii} Там же. Л. 17.

^{viii} Там же. Л. 19.

^{ix} Там же. Л. 23, 25, 32–33, 43, 53, 57.

-
- ^x Там же. Ф. 54. Оп. 156. № 188. Л. 1.
^{xi} Там же. Л. 2–3.
^{xii} Там же. Л. 10.
^{xiii} Там же. Л. 17–19.
^{xiv} Там же. Л. 12–14.
^{xv} Там же. Л. 24–28.
^{xvi} Там же. Л. 29, 32.
^{xvii} Там же. Л. 39.
^{xviii} Там же. Л. 40.
^{xix} Там же. Л. 41–45.
^{xx} Там же. Л. 6–7.
^{xxi} Там же. Ф. 54. Оп. 155. № 8. Л. 1–3.
^{xxii} Там же. Л. 6.
^{xxiii} Там же. Л. 9.
^{xxiv} Там же. Ф. 54. Оп. 146. № 23. Л. 1.
^{xxv} Там же. Л. 3.